

Ж

есткая пружина на двери задрожала, спиральные кольца ее запыли, появился часовой:

— Ефрейтор Телух по вашему приказанию...

Прокурор, не отрываясь от бумаг, махнул ему рукой, не дав закончить доклад.

— Приведете задержанную Анисимову, — вытащив папиросную гильзу изо рта сказал он, но взгляда от папки с документами так и не поднял.

За окном проревел заводской гудок, переключкой посыпались сигналы начавших смену текстильных фабрик. Отбивал ритм тяжелый пресс за высоким кирпичным забором, разнокалиберно визжали валы прокатных станков. Среди фонового заводского шума дворовой собачонкой потягивал трамвайный звонок. Из радиолопуха торжественно сыпалась сводка Информбюро: на Кубани, северо-восточнее Новороссийска, продолжались бои. На других участках фронта существенных изменений не произошло. Нашими кораблями и авиацией в Черном море и в Финском заливе потоплены три самоходные баржи, торпедный катер и транспорт противника. Частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 10 немецких танков, более

120 автомашин с войсками и грузами, взорван ряд складов боеприпасов, подавлен огонь 20 артиллерийских и минометных батарей, рассеяно и частично уничтожено до батальона пехоты противника.

Опять натянуто завибрировала дверная пружина, потом сжалась, хоть и продолжала дрожать.

— Свободны, Телух, — распорядился прокурор, снова услышал жалобу надоедливой пружины, и только когда она угасла, поднял глаза.

У дверей стояла плотная девушка лет двадцати. Лицо широкое, русское, на нем такой же широкий нос, высокий лоб, подбородок клинышком, волосы льняные, светлые, в уголках губ спрятались крохотные запяты, брови тонкие и серого цвета глаза. Прокурор, за секунду составив словесный портрет, понял, что глаза эти могут быть добрые и веселые, они, наверняка, чаще всего такими и были, но какая веселость останется в глазах, если хозяйка их оказалась в военной прокуратуре.

— Я, капитан Хомутов, буду вести ваше дело, гражданка Анисимова. Можете садиться.

Задержанная неторопливо присела. Движения вялые, безвольные, словно не до чего ей нет интереса, даже до собственной судьбы. Хомутов выдвинул ящик стола, выложил на стол блеснувшие серебром две медали на красных колодках, орден-звезду с рубиновыми лучами.

— Ваши награды?

— Мои, — не сразу ответила задержанная, скользнув взглядом по крышке стола.

— За что получили?

— Воевала, — еще тише, почти затравленно, сказала Анисимова.

— А подробнее сказать можете?

Задержанная поджала губы, уставилась куда-то на носки своих сапог, отрицательно покачала головой.

— Документы на награды у вас в порядке, — попытался подбодрить ее Хомутов. — Просто скажите, за что получили.

Анисимова молчала, лицо оставалось безвольным.

— Ладно. Где командировочная, где увольнительная? Почему с фронта бежали?

Все тот же мертвый остров посреди прокурорского кабинета.

— Анисимова, так дело не пойдет. Вы понимаете, что вам за дезертирство грозит трибунал?

— Понимаю, — тихий, скукоженный, совсем не подходящий ее широкой натуре голос.

— По статье 193 часть «г» в военное время положена высшая мера наказания с конфискацией имущества, — сухо выдал Хомутов.

Помолчав, добавил участливо:

— Расскажи, что случилось? Я ж вижу, ты не шкура полковая. Тыловым радисткам-телефонисткам такие награды не вручают... Ты ж бойбаба, по тебе видно, да и в документах вон все прописано — снайпер бригады морской пехоты.

Тишина. Еще ниже опустилась голова задержанной, взгляд уже не на носках сапог, а где-то на опустевшей груди, лишенной наград.

— Ну, скажи: почему с фронта бежала? — почти ласково расспрашивал Хомутов. — Я сам воевал, я пойму... Мать больная?

— Да нет, мать здорова, — выдала Анисимова не сразу.

— Может, ребенок есть незаконный? К нему бежала?

— Ребенка пока не прижила.

— Жених есть не мобилизованный? В городе остался.

— И жениха нет.

— Ну, для чего тогда? — вышел из себя прокурор. — Что-то же я должен написать!

Задержанная согнулась, обхватила себя за колени, даже вздрогнула от внутреннего озноба, передернула плечами:

— Пиши, начальник, что хочешь. Сочини какую-нибудь сказку.

— Ты это брось! Привыкать начинаешь? Никакой я тебе не начальник, а товарищ командир.

— Товарищи мои все там остались, на берегу, — задержанная подняла глаза на Хомутова точно так, как он поднял их от своих бумаг, когда ее ввели к нему в кабинет...

Февральское море закручивало на волнах пенные шапки, швырялось пригоршнями мелких брызг. Противная, гадская температура: плюс-минус-ноль. Холодный дождь вперемешку с мокрым снегом. Обледенелая палуба, обледенелые нитки тросов, ограждения. Корка на иллюминаторах, фалах, броне легких американских «Стюартов». Люди упрятаны от непогоды в трюмах. Тральщики, буксиры, канонерские лодки. Узкие, продолговатые тела болиндеров качаются на беспокойной волне. Шелестит вода по палубе, люто завывает ветер и сквозь его вой — рокот буксирного двигателя. Качка и холод не дают заснуть, люди жмутся в трюме друг к другу, пытаются согреться.

Впервые Лиду так тесно прижимали мужские руки и плечи. Морские десантники, танкисты, саперы, связисты, моряки из гидрографов, корректировщиков, других флотских специальностей. Кто-то уткнулся сюда в ее короткие стриженные волосы, втянул их запах:

— Ромашкой пахнешь.

Лида улыбнулась в темноте. Тот, что нюхал ее волосы, обхватил выше пояса, она не сердилась, не убирала рук: пускай греют, братишки.

В тесной толпе тихо разговаривали:

— Пройдем ли к берегу? Мин боюсь, братва, ужас, как боюсь.

— У нас лодман опытный: Бузько. Ему чуть ли не пятьдесят, он еще на гражданской воевал. В Испанию старпомом пароходы с самолетами доставлял, «Трудовым Красным Знаменем» наградили.

— У него и боевое «Красное Знамя» есть, за эту войну, сам видел. Он в Крым конвой водил, на Севастополь, на Керчь. Ранения имеет.

— А про Врубеля слышали? Он корректировщиков возглавлять будет, вместе с десантом на берег пойдет. Тоже мужик геройский. В июле за один переход два торпедоносца из зениток сбил.

— Не сам сбил-то.

— Ясное дело, не сам, БЧ под его командой.

Женька Короленко, переведенный в матросы из Керченской курсантской школы, томительно морщился и держался за щеку.

— Что, зуб? — спросила Лида.

— Замучил, проклятый, — еще сильнее сморщился Женька.

Качались на волнах палубы транспортов и болиндеров, уходила из-под ног зловеще-зыбкая опора. Машина плавно сбавила ход, потом винты вконец застопорились. Люди в трюмах взволновались, как пассажиры, долго едущие к своей конечной точке, измаявшиеся за дорогу, уставшие, но все равно чуть-чуть сожалеющие о том, что вот сейчас надо встать с плацкартного диванчика, оставить свой обжитый уголок и идти в неизвестность.

По палубе прокатилась легкая тревога, разбившаяся о холодные волны и февральский ветер, едва достигшая трюмных отсеков. Где-то в стороне дрогнул воздух под калибрами крейсеров и лидеров. Гавкнули не так внушительно стволы эсминцев, затеяли многоголосую перебранку. В трюмных «подземельях» лица людей едва озарились далекими вспышками осветительных снарядов. Над уснувшим скалистым берегом раскрылись яркие зонты, выхватили из мрака упрятанные блиндажи, прорытые в скалах дзоты и пулеметные гнезда, груды камней, наваленные перед щитками зенитных и противолодочных орудий. Берег вспахали «чемоданы» крупных калибров, в небо улетела скальная порода, клубы пыли и дыма, погнутые стволы и куски расплавленного металла, познавшего доменное горнило и руку людской обработки. Еще летели сами руки, ноги и головы, отдельно от тел.

Людям из трюмов не было видно, что творилось на берегу, но долетал до них тревожный отголосок с капитанского мостика:

— Где ж наши самолеты-корректировщики? По площадям ведь «Харьков» бьет, на удачу... считай, что в молоко.

— Однако с берега не отвечают.

— Да, Григорий Саныч, мне тоже это кажется подозрительным.

— Притаились, выжидают. Свою систему раньше времени не желают обнаруживать.

Пальба умолкла, наступившую тишь разрезал гаркнувший через рупор противный голос:

— Внимание! Сигнал красного клотика! Сигнал красного клотика! Идем на сближение с берегом! Командирам приготовить штурмовые группы к высадке! Идем на сближение!

Люди загомонили, затоптались, сдергивая оружие, загромоздили узкий трап, ведущий наверх. Дизельные машины взревели высокими оборотами, болиндеры рванули к застывшему в непроглядной темени пляжу. Кандальным звоном отозвались цепи, стягивавшие на палубах танки, загремели деревянные молотки, выбивая противооткаты из-под траков и гусениц. Первыми повалили на палубу танкисты, в трюмы поплыл вонючий перегар заведенных дизельных сердец — «Стюарты» выплюнули прозрачный перегоревший дым.

Берега все еще не было видно, он терялся в мелкой воде и снежной крошке, и с каждой секундой казалось, вот-вот железное брюхо болиндера налетит на прибрежную гальку, проскрежещет по камням и полетит с ног все то, что с тревогой ждет этого темного неизвестного берега.

Во тьму, распугав ее, взлетела белая ракета, и стало видно, что до берега еще метров восемьсот, может, с километр. Вслед за ракетой темень расплосовали несколько прожекторов, но стрельбы пока не было. Молчаливое лазание лучей по морю делало их одновременно безжизненными и в то же время — живыми: словно не люди управляют светом, а рыщут они будто бы сами по себе. Вот лезвие света скользя по одному болиндеру, выудило второй, третий. Пляж и оба склона по краям от него, куда веером устремились болиндеры с танками и десантом, буксиры и катера, вспыхнул, загорелся, залился частой стрельбой. Со сторожевых катеров ответили взаимным огнем: улетали к берегу ракеты, расстилая за собой пышные хвосты ярких комет, высекали пунктирные строчки зеленых трассеров зенитные пулеметы.

На время угас прожектор, не подбитый, но укрытый до поры, кого-то достало реактивной кометой — брызнуло искрами и камнем разрушен-

ное пулеметное гнездо, в последний раз предсмертно чавкнула подбитая пушка. Тонули в общем грохоте взрывы и обвалы камней, скрежет металла.

Танки на платформах в нетерпении ревели моторами: «Ну, скорей же, скорей! Где он, берег? Спрыгнуть в воду, рвануть вперед, погасить эти чертовы гнезда!» С двух передних машин уже открыли торопливую стрельбу.

Лида стояла на трапе, по пояс в трюме, наполовину возвышаясь над палубой. Пронзенный пулями и снарядами воздух хрипел, всхлипывал, жаловался на свою судьбу. Берег хвастался разряженными в яркие цвета склонами. С транспортов и болиндеров шарили по нему прожектора, нащупывали замаскированных врагов. Ответно ударяли в море береговые прожектора, слепили прислугу у пулеметов и орудий. Вода кипела под ливнями осколков, как в болотное бучило шлепались чушки снарядов, поднимая фонтаны. В соседний сторожевик ударило кованным гигантским молотом, броня заскрежетала, посыпались за борт искалеченные люди. Шатнуло от прямого попадания их болиндер, Лида услышала, как в трюме под ее ногами заголосили от боли и страха раненые.

Запылал еще один сторожевик, но все еще лился с его уцелевшего борта красочный фейерверк, не замолкали порубленные осколками, в обгорелой коже и бушлатах пулеметчики. Огненной массой он налетел на берег, брызнула из-под брюха галька, в воду падали уцелевшие остатки десанта. Катер переключил машину на задний ход, винты подняли буран, но катер с забитыми галькой кингстонами уже не мог сорваться с места, не мог обратно уйти в море. Пожар на нем продолжался, и скоро рвануло внутри него, вспоров корабельный металл, как хрупкую консервную жестянку.

Под днищами низкой осадки болиндеров заскрежетали подводные камни, капитаны стали стопорить машины, боясь засадить свои суда на смерть. Медленно отворялись челюсти смерти — носовые трапы болиндеров. Кругом вода, и до берега еще неблизко. Один за другим плюхались «Стюарты», ныряли, скрываясь по самую башню. Пылал на воде разлитый из подраненных катеров бензин. Шальными волнами гоняло эти пятна под берегом, на них налетали десантники, выскакивали из воды живыми факелами, неслись по берегу в агонии, стреляя в сторону проклятых высот.

Перед глазами Лиды мелькали моряки: сигнальщики, акустики, минеры. Кто-то хватал загоревшиеся ящики с реактивными снарядами, кидал их за борт. Озверело скалил зубы боцман, вертелся вместе с пулеметом на турели, поливал из спаренных стволов ненавистный берег. С губ его вместе с руганью слетала кровавая слюна, бушлат где-то затерялся, он уже не затыкал дыру у себя под мышкой, откуда толчками выбивалась кровь, только стрелял и стрелял.

Тральщик, что толкал перед собой их болиндер, все больше охватывало пламя. С него сыпались в воду матросы вместе с морской пехотой. Половина танков уже свалилась за борт, из преисподней трюма выпихивали друг друга десантники, падали в обжигающую воду. «Лидуха, твою мать! Ты уже с лета воюешь, «За отвагу» схлопотала, чего стоишь?!» — то ли про себя, то ли вслух завопила Анисимова. Она росла в среднерусском текстильном городе, на окраине, за ранней работой и домашними делами ни речки, ни озера не видела, воды боялась, даже теплого июньского моря, впервые встреченного в Туапсе полгода назад, не говоря уже об этом, клокочущем.

Лида вскочила на танк, наплевав на инструкции и запреты, оседлала башню и намертво вцепилась в орудийный ствол руками. «Стюарт» полетел в ледяную бездну, девушка зажмурилась, ее обдало брызгами, но насквозь не промочило, бушлат удержал воду.

На соседнем буксире, не доходя до берега, обрубили концы, погнав по инерции болиндер в свободное плавание. Там уже пылали два-три подбитых головных танка, не успевших соскочить в воду. Горевшие машины застопорили проход остальной танковой колонне. Мертвый, неуправляемый болиндер несло волной к берегу, разворачивало бортом к вражеским орудиям, в подбитых танках и стоявших полуторках с боезапасом рвались снаряды. С беспомощного болиндера спрыгивали десантники и танкисты.

Танк выползал на пляж. Лида едва отпустила пушку, как та оглушительно рывкнула. Слева и справа тоже карабкались на берег танки, скрежетали по гальке их гусеницы, звенели отработанные гильзы десантных автоматов. Один танк получил пробоину, замер, остальные стали утюжить плотные завесы растянутой по пляжу «колючки», окопы с еще уцелевшим врагом.

Лида не снимала винтовки из-за плеча, не срывала с прицела защитный чехол: в свистопляске разрывов и огней прицелиться и метко выстрелить невозможно. Она на ходу подхватила с земли какое-то оружие — это оказался немецкий автомат, в котором быстро кончились патроны. Лида тотчас «одождалась» другим, хватко вырвав его, еще горячий от стрельбы, из чьих-то мертвых рук.

Уже стаскивали в прибрежный отбитый окоп раненых. В обгорелых бушлатах, кровоточащие, мокрые, обледенелые, они топили свой крик в грохоте боя. Волна у берега играла трупами в черной морской форме, закидывала их на гальку, ворочала с боку на бок и обратно забирала в море. В долину, отстреливаясь, отбегали враги. Застигнутые в окопах, они судорожно поднимали руки:

— Нихт немец! Нихт немец! Румонэшты есть! Румонэшты!

Осатанелый десант зываний не слышал и слышать не желал: стрелял в упор, колот, сбивал прикладом головы на сторону.

— Румонэшты-бокарэшты! — передразнил румына Женька Короленко и атакующее ковырнул его штыком своей СВТэшки. Лицо у Женьки уже не корчилось от зубной боли, — застыло на нем совсем иное выражение...

Вперед вдруг выскочил танкист в закопченном комбинезоне, закрыл грудью последнего уцелевшего румына.

— Я лейтенант Красной Армии! Отставить! Не тронь пленного!

Танкиста послушали, после первой расправы поостыли. Посыпались советы:

— Допросить бы... может, ценное чего знает.

— Кто по-немецки умеет?

— Так тут румын нужен.

— Где ж румынского найдешь? Проще с чукотского перевести... Нас тут каждой твари по паре.

— Я знаю румынский, — неожиданно послышалось из темноты.

К пленному подошел краснофлотец с переносной телефонной станцией на груди.

— Я родился в Измаиле, его только перед войной румыны нам обратно отдали, в румынскую школу ходил.

— Как фамилия? — спросил закоптелый танкист.

— Беккер, товарищ лейтенант.

— А я Рудинский, — танкист взгляделся в черноволосого, кучерявого краснофлотца. — Ты, может, и иврит знаешь?

— Немного. Тоже пригодятся?

— Погоди, полиглот. Пока спроси его: много ль их тут собрано? Сколько полков или, может, дивизия? Как на сопках оборона построена? Сколько в тылу резерва?

— Товарищ лейтенант, я на румынском только четыре года говорил, пока в школе учился. Не так скоро, надо вспомнить...

Беккер стал спрашивать пленного. Лида обернулась к морю. На смену ненастной ночи приходили сумерки. Волна чуть сбавила, успокоилась, и стрельба немного приутихла. Те, кто смог высадиться, заняли прибрежную полосу, укрылись в отбитых окопах. Остальные суда таяли в медленно редевших сумерках, исчезали в морской дали.

Третий болиндер, так же, как и второй, не достиг берега, теперь стоял раскоряченный, развернутый боком, прибитый волной к донным камням. Его трап не смогли опустить, танки сползли в воду через борт, некоторые глохли, хлебнув двигателями соленой воды, другие показывались из волн, как морские чудовища, выползали на берег, стреляя на ходу, — штурмовали утес.

Берег, усеянный трупам: немцы, русские, евреи, украинцы, румыны, татары и еще, еще всякие и разные — ни дать, ни взять смертельное вавилонское столпотворение. Перевернутые взрывами искореженные орудия, замерший неуклюжей каракатицей подбитый танк, может, из его башни выпал закоптелый Рудинский? Островки заглохших в море танков, догорающие грузовики в распяленных зевах болиндеров. Оружие, мертвецы, оборванные мотки проволоки на кольях...

Хомутов отошел к столу, окунул ручку в чернила, позвякал пером о край склянки. Так ничего и не написав, громко позвал:

— Телух! Увести задержанную.

Через две недели Хомутов вскрывал казенный пакет, разворачивал присланные по его запросу документы: копии наградных листов на снайпера морской пехоты старшину 2-й статьи Л.Н. Анисимову:

«5 сентября 1942 г. при атаке батальона немцев на оборону 3-й стрелковой роты снайпер Анисимова под сильным автоматным и пулеметным огнем противника оказала помощь пятнадцати бойцам и командирам и непрерывно весь период боя поддерживала связь роты с КП батальона. Достояна правительственной награды — медаль “За отвагу”»...

Хомутов на всякий случай перевернул лист, никаких пометок на обороте не обнаружил, вытащил из конверта другой документ:

«Участвовала в боях под Липками и северо-восточнее Туансе. Работа снайпером, уничтожила 6 солдат противника. Дважды выходила из окружения: под Неберджаевской и Липками. Участвовала в высадке десанта в Южной Озерейке 3 февраля 1943 г. Четыре дня участвовала в кровавом бою с немецкими оккупантами, отражая по десять атак противника в день. Шесть дней с группой товарищей, терпя лишения, холод и голод, выходила из окружения. Ползком, ночами преодолевая передний край противника, в районе горы Колдун вышла к своим. За храбрость, мужество и стойкость достойна правительственной награды — медаль “За отвагу”».

Хомутов во время чтения значительно покачал головой, в задумчивости потер гладковывернутую щеку. Открывая третий наградной лист, заглядывал в него с опаской:

«В боях под Садовой возглавляла группу бойцов в 20 человек, которая разгромила штаб румынского батальона. Сама лично в этом бою уничтожила одного офицера и четырех солдат противника.

Во время высадки десантом в ночь на 04.02.1943 г. в Южной Озерейке, будучи в окружении, оказывала помощь раненым бойцам и офицерам. Вынесла с поля боя раненого майора Третьяченко. В этом бою уничтожила пять румынских солдат.

В боях на Малой земле участвовала с 12 февраля по 15 мая 1943 г. Во время боевых действий из снайперской винтовки уничтожила одного снайпера, двух наблюдателей и пятерых солдат противника. Достойна награды — ордена “Красной Звезды”»...

Прокурор отложил бумаги, надолго уставился в окно невидящим взглядом. В памяти проплывал личный недолгий опыт пребывания на фронте. Да и какой фронт... Солдаты, вышедшие с передовой, то место за фронт не считали, шутили промеж себя: «Сюда, если пуля залетает, так безвредная, даже шинели не пробьет, шлепнется об тебя и все».

Хомутов распорядился о чае, велел вызвать Анисимову. Задержанную ввели, она казалась еще равнодушнее, чем в прошлый раз. Прокурор предложил ей стакан с горячим чаем, девушка безвольно отказалась. Капитан подошел к столу, взял ее руку, твердо придвинул к ней стакан. Она обхватила его, тяжело вздохнула, но руки не убирала.

— Пей, чего ты? Надхлебни хоть, — приветливо уговаривал Хомутов.

— В добренького играешь, начальник?

— Да не играю я, пойми ты, — все так же мягко говорил Хомутов и, понизив голос, почти шепотом, откровенно произнес:

— Что ж вы привыкли, что среди нас одни нелюди? А я, может, такую, как ты, в первый раз вижу.

Она подняла на него глаза:

— Там таких много, — неуверенный осторожный взмах непонятно куда.

— Знаю, много, но среди мужиков...

Впервые у задержанной проскользнула какая-то эмоция, что-то похожее на смущение.

— А я себя с мальства от мужиков не отделяла, ишачила наравне со всеми, — хоть и сказано твердо, а все равно с какой-то девичьей скромной ужимкой.

Она уверенней обхватила стакан, сделала большой глоток, невольно зажмурилась от растекшейся по телу теплоты.

— Ты, начальник, в кабинете сидишь, а ты походи по стране, по фронту, нас таковых пруд пруди.

— Знаю, Анисимова, все знаю. И в газетах про вас пишут, и в сводках. А мне всегда казалось, что пишут про тех, про кого надо писать. Читаю, а сам думаю: ну, как минимум ППЖ полковничья. Вот про тебя, скажем, в газетах не писали. Так ведь?

Задержанная отхлебнула еще раз, откинулась на спинку стула, прижала к покрашенной стене затылок.

— Что ж ты, такой честный, здесь делаешь?

Прокурор приплюснул папиросную гильзу с боков, вставил в зубы, предложил открытую пачку задержанной, она отказалась. Капитан закурил, выдохнув дым, ответил:

— А меня страна сюда и поставила, чтоб я вам помогал. На фронте у вас братство, вы там всегда друг за дружку постоите. А сюда приходите, как в другой мир попадаете. Вот с тобой, скажем. Ну чего ты с фронта уперлась? Ведь ни отпуска у тебя, ни ранения. Молчишь? Что писать мне прикажешь?

Анисимова третьим глотком осушила стакан, приподнялась, поставила пустую посуду на стол.

— Как есть, так и пиши: дезертирка.

— Не бывает, милая, такого слова.

— А ты сочини, на то ты и начальство.

— Я-то напишу, а как мне жить потом с этим?

Задержанная снова привалилась затылком на стену, закрыла глаза, словно задремала:

— Война все спит, после нее все забудется... И про дело мое тоже забудешь. Поди, не одна я у тебя?

— Не одна. Но такую в первый раз встречаю.

Анисимова открыла глаза. Прокурор смотрел на нее проникновенными, почти влюбленными глазами. Она невольно потянула гимнастерку на груди, закрылась руками:

— Не надо, начальник, не надо, миленький... — Жалобный, птичий щебет. — Лучше высшую меру ссуди... На штрафбат согласная, если помочь хочешь... Только не хватай меня...

Хомуты покрылся яростными алыми пятнами:

— Дура! Свихнулась там на фронте?! Телух! Увести задержанную!..

Анисимову вели по коридору, сзади бухали сапоги конвоира. Плечи задержанной сгибались, как под тяжелой ношей, будто снова тащила она в гору раненого, с перебитыми ногами, командира.

Над узкой полоской отвоеванного пляжа кружили немецкие штурмовики. От них негде было укрыться. Обе высотки, охранявшие пляж слева и справа, так и не удалось отбить. Прятались в полуразваленных вражеских окопах, загроможденных своими и чужими трупами. Шесть или семь уцелевших танков ушли вглубь плацдарма, с ними две-три сотни десантников. Многие подорвались на минах, погибли от огня с флангов. Их сразу отсекали от основного костяка, израненного и укрытого на пляже. Теперь там, в километре отсюда, а может, и дальше, они дрались в окружении.

Лида с отрядом пробилась по руслу маленькой речушки к окраине прибрежного поселка. Огонь становился гуще, оборона противника — сложнее. Здесь, Лида помнила точно, ранило Рудинского, Женьку Короленко. Уцелевшие хватали раненных, несли к берегу, на перевязочный. У Лиды на спине крихтел флотский командир, все выспрашивал: «Скажи фамилию, сестренка. Жив буду — после войны отыщу! До гроба должник твой... А меня зовут Третьяченко! Запомнила? Третьяченко! Скажешь там, когда выберешься...»

И снова забывался, и снова спрашивал ее фамилию, и клялся, что отыщет.

На берегу было не слаще. То и дело налетали самолеты, кружили по одному, выцеливали, как только замечали какое-то движение в прорытых узких окопах, сыпали с неба ревущей сталью. Не давали поднять головы пулеметы и орудия с боковых сопков, заливали долину пулеметным

дождем. Когда стрельба на секунду стихала, становились различимы никогда не стихавшие стоны, вопли, мольба раненых.

С наступлением ночи к застрявшим на мели болиндерам поплыли добровольцы, способные снова окунуть себя в февральскую воду. Оттуда тащили патронные ящики, перевязочные бинты, вымоченные в соленой воде пакеты с сухарями и галетами.

Две медсестры и фельдшер переползали от раненого к обмороженному, перевязывали, давали холодного чая из фляжки, пытались подбодрить словом:

— Потерпи, родной, недолго осталось. Скоро наши придут. Вот подзаправята в Туапсе и придут за нами. На берег подкрепление привезут, а нас заберут, вот увидишь.

Раненые и сами пытались бодриться:

— На Мысхако стрельба, не одни мы на свете.

— Поднажмут там братишки, нам здесь полегче будет.

— Или мы поднажмем, у кого силенка осталась, им путь облегчим.

Беккер переводил слова новых пленных, новому командиру, сменившему Ридинского:

— Говорит, что там у них, вон там — батарея «Матильда», а вот тут, вон откуда сейчас бабахнуло — это «Минден».

Подкрепления не было ни на следующий день, ни на третий. Десант методически добивали со здешних высоток и с воздуха. Иногда прилетала двойка самолетов со звездами на крылах, обстреливала сопки, качала крыльями — держитесь, мол, про вас не забыли!

В середине третьего дня, отбивая очередную контратаку, из окопов и укрытий вышли и выползли даже раненые, все, кто был еще способен держать оружие. Под вечер пронесся слух: с самолета сбросили вымпел, в нем приказ — пробиваться на Мысхако, там дела шли успешней и плацдарм в скалах уже отвоеван.

Всех тяжелораненых снесли в блиндаж на берегу, многие были в сознании, понимали, что происходит, видели сборы и виноватые лица уцелевших десантников. Над Женькой Короленко согнулся товарищ, тихо пел на прощанье: «И никто не узнает, где могилка моя».

— Прощай, Саша, — жал ему руку Женька, — хоть ты доберись, отмстите там за нас...

Танкист с обмороженными ногами устанавливал у входа в землянку снятый с танка американский пулемет:

— Давай, морячки, вы еще для войны сгодитесь, уходите, а я им тут полундру устрою... Чтоб не думали, будто мы беззубые!

Четырех пленных румын впрягли в носилки с каким-то раненым флотским чином. С запекшейся на лице болью, уходили даже с перебитыми и обмороженными ногами.

Лида помнила свое сжатое горечью горло, летевшие в спину жалобные крики:

— Братцы, добейте!..

И еще помнила покалеченную невзрачную птицу в грязно-сером оперенье. Она кувыркалась в песке, била без толку крыльями, стремилась стать на перепончатые лапы...

Ночь, громы, молнии, вспышки... На небе ни облачка... Разрывы ручных гранат, яркие проблески автоматных очередей... Мат, суставный хруст, харканье и предсмертная агония...

Анисимова опустилаась на стул, с каким-то сожалением посмотрела на Хомутова:

— Развязался б ты со мной, начальник. Ну, сколько можно? И меня держишь, и себе покоя не даешь.

— На тот свет торопишься? — в этот раз в голосе прокурора не осталось приветливых ноток.

— Я там уже была, — равнодушный, без пафоса ответ.

Хомутов смотрел внимательно: «Отдохнула за месяц, блеск в глазах появился. Такую теперь не страшно и на волю выпустить». Вслух сказал:

— Расстрел тебе, конечно, в военное время заменят. Либо на север поедешь, кедровые рощи пропалывать, либо, по хорошему сценарию, — в штрафбат. Ты — девка боевая, там быстро искупишь и снова старшина 1-й статьи Краснознаменного Черноморского флота. Здравствуйтесь, погоны, награды, и вольная жизнь.

Анисимова сидела смиренно: твоя воля, север так север, штрафбат так штрафбат. Он наклонился к ней, снова перешел на заговорщицкий шепот:

— Ну, скажи: устала, мол, вымоталась, имею я право, как женщина, на одну слабину в своей жизни? Имею я право оступиться?..

— Скажи за меня, начальник... а я такое ни в жизнь не вымолвлю...

Хомутов не разозлился, не пошел пятнами, не велел увести. Он долго читал в ее глазах, которые на это раз она не прятала, что-то непонятное ему, то, чего у него никогда не было и чему он так сильно завидовал, изредка находя у других.

Прокурор вызвал конвойного, дождался, пока задержанную увели, и склонился над бумагой.

Задержанную Анисимову после войны ему не довелось встретить. За месяц до смерти бывшему прокурору попала в руки документальная книжка про тот десант, где он увидел ее фотографию, и прочел очередной, теперь уже четвертый наградной лист:

«В боях за Новороссийск, Чушку и Керчь проявила героизм и мужество. Находясь все время на переднем крае боевых частей в качестве снайпера и наблюдателя, в трудные минуты брала на себя командование... На ее счету около 40 уничтоженных фрицев. Помимо того, во всех боях показывала образцы героизма, что нельзя было ожидать от девушки. Тем самым поддерживала бойцов и офицеров. За проявленное героизм и мужество достойна правительственной награды — ордена Отечественной войны 2-й степени.

Апрель 1944 г.»

Захлопнув книгу, он по-стариковски проворчал: «Написали-таки через шестьдесят лет»...

...Лида поймала птицу, та больше не металась, затихла, покорная року и теплой человеческой руке. Девушка зашла по щиколотку в море, опустила на воду чайку. Птица обрела равновесие, больше не трепыхалась, не заваливалась на сторону. Ее унесла тихая волна прочь от берега, скрыла вечерняя мгла. Быть может, птица эта через какое-то время снова сможет научиться летать...